

РОМАНТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

20 ГРАММ ПУСТОТЫ

ВЛАДИМИР ЕРОГОДСКИЙ

Владимир Ерогодский

20 грамм пустоты

«Издательские решения»

Ерогодский В.

20 грамм пустоты / В. Ерогодский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968064-8

Поэма о драматичной любви поэта и балерины на закате 19 века, пропитанная духом символизма, красоты и депрессии. Случайная встреча может изменить всё.

ISBN 978-5-44-968064-8

© Ерогодский В.
© Издательские решения

Содержание

I	6
1	6
2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

20 грамм пустоты

Владимир Ерогодский

© Владимир Ерогодский, 2019

ISBN 978-5-4496-8064-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

1

Безоблачный дождь смывает занавес сцены,
С моста наклонился скандально поэт,
Куплеты удушья глотал, мира цены,
Решался – с собой распрощаться в-рассвет?
Из женщин прохожих не встретив достойных,
Ни жалости Жанра, ни радуги лжи,
Лишь счастья кометы прочь спят так спокойно,
Хоть вдоль пустоты комментариев пиши!
Не алчется жить в бессюжетности боли,
Но звон смерти страшен, вдохнуть бы назад!
Нет клетки сильнее, чем трагедия роли,
Нет больше безумства, чем вновь в этот ад!

Вон – палубы контур, вон – музыка в-лицах,
Бездарно рвёт волны внизу теплоход...
Пощёчиной в толще улыбок разбиться?
На праздник глупцов столь циничный полёт?
Шаг сделан! Фальстарта просыпал осколки!
В глазах её нежной печали лучи —
То первые пятна в портрет незнакомки,
Взгляд вверх обратившей; О, сердце, молчи!
В ней – лень, чтоб дерзнуть отставать от кадрили,
Шрифт граций, чтоб то ты заметить не смог!
Танцоры вокруг будто тщетно ходили,
В анфас не попав той симфонии строк.

Поэт рассмеялся так щедро, как жил бы,
И встретил глаза изумлённой толпы,
Но только она знала тайну молитвы,
Они же – «глупца» обсуждением полны.
Ах, образ её он желал трогать ближе,
Чтоб с ветреной кожи стереть их следы.
И будто Пейзаж закричал: «Не молчи же!»,
Стремглав он решил – сброшусь в жизнь с той воды!
Побег от моста. Переулок. Извозчик,
Чей лик обещал опоздать на причал.
«Вот денег вам веер; судьбы позвоночник
Молю, не сломай! На речной нужно бал!»

Он думал сквозь грязь на стекле экипажа,
Пытался понять льстивый подчёрк надежд.
«В ней – кладбище слов, все эпитеты – сажа!
Ужель наконец встану в позу невежд?!»

Тёк ломаный путь, он – в туманности были,
А в сердце череда из тугих запятых,
Все грани души к теплоходу парили,
Вокруг тлели лица прохожих пустых.
От дверцы до двери. Заветная пристань.
«Скорее! Мне в жизнь продаёте билет!
О, к каждой секунде рождён бы был пристав!»
Безвучно от счастья. Миг. Трапа привет.

Средь стен из танцоров искать её позу,
По палубе горстью разбросить «шаги»,
У мисс пожилых со стола украсть розу.
«О, дай хоть намёк, видеть свет помощи!»
Взгляд рай дописал по перилам фальшборта...
Она. Ветра песнь. Катастрофа волос.
Мила до-агоний. Вселенная стёрта.
Сжав пряди в ладони – она, он – до-слёз!
Семнадцать шагов оригами «рождения»,
«Ах, сладкая рана возрастает в груди!
Дышать разучился, здесь хрупок, как тень, я!
Так странно! При-жизни весь мир – позади!»

«А, знаю вас дважды, – её была фраза, —
Василий Бездушный, в-смех критик толпы!»
«Себе я предатель, не понял алмаза!..
Ведь тоже вас знаю! Сарказмы судьбы!
Всесмутновой Лизой вас помнят в снах грусти?
Вы – грация дыма среди балерин!»
«Да, я... но, прошу, комплименты опустим,
Что-что, но они – это истинный дым!»
«Лишь вы – не портрет в галерее планеты...»
«Нет, льстить анонимно лишь должен поэт...»
«Впервые так прав я, лжи рифмы раздеты!»

«Оставьте. Не верю. Лгут Рифмы портрет!
Вы – пленник и раб альпинизма метафор,
В порывах цинично стирая «бемоль»,
Вы взрывы мазком оставляли б, вы варвар:
Всё лучше, чем есть, а иначе лишь боль?
Вы самый опасный игрок в «совершенство»,
Что в рай даже грязь, чтоб любить, превращал,
И в том снисхожденьи черпает блаженство:
Достойным себя сделать мир – слова бал!»

«Ваш глас, как игла, вшил в меня знамя правды,
Но верьте мне, верьте, она не о вас!
Вы – путь до шедевра; осколки той карты
Я век собирал, хоть узнал лишь сейчас!
Румянца прибой лижет «скромности» ноты...»

«О, больше ошибки здесь сделать нельзя!»
«Да, здесь я бездарен, прочь рву повороты...»
«Нет, нежною кистью – издёвка! – скользя!»

«Коль слов не хотите, возьмите тень розы —
До-крови в ладони сжимал ради вас!
Сознания терплю здесь избыточностью дозы!...»
«Молчи! От-стыда я теряю анфас!
Признаюсь... давно я люблю твою душу...»
«Иначе будь, я б ненавидел её,
Изъян укажи где, ту грань я разрушу...»
«Не стою! Ставь точку, абзац надорвём!
Пусть шаг, пусть секунда, знай облачность цели...»

И Лиза пошла сквозь танцоров круги,
Их пыльные судьбы вслед стану Цирцеи
Осыпались будто; он думал шаги.
На палубе нижней ряд редких влюблённых —
В «друг друга» пейзажи, но больше – в себя!
В-дрожь блеск её глаз в брызгах моря плоёных —
Заранье известна бессонниц заря!

«Дым пьёшь? Угощайся, цветны сигариллы —
Безвкусицу жизни вокруг пропитать...
Спрячь прозу улыбки, не трать зря чернила...
Во вздохах Весны слышишь Моря «опять»?»
«А знаешь, тебе лишь обязан я жизнью?
На мост приходил, чтобы спеть суицид...»
«Ах, всё же кокетство – поэту отчизна,
Мечты красота ни за что не молчит!»
«Грёз нет! Я – серьёзно! Уж гибли молитвы,
Чтоб жить не хватало таланта... иль нас!
С тобой я не стану Бездарным палитрой...»
«Не знаешь, как ранишь углом этих фраз!»
«Я б душу раздал, лишь чтоб пасть тебе в ноги!
Ты плачешь? За что? Я не боль говорил!»
«Прогнать не могу! Сам беги без-дороги!
Разрушу тебя! Преступленье ветрил!»
«Роскошно одета ль ты пламенем тайны?
Иль с шрамов растут в-скрип цветы тишины?
А может у счастья нет струн не печальных?
Позволь сострадать! Мои сны решены!»

Молчала. Брильянты роняла на платье.
Как хрупкость гордыни, трагична в-вопрос.
Он позой чертил за спиною распяты,
И слишком азартно дышал не всерьёз!

«Твой стих был всегда мне блаженным укором,

Смертельно дразнил в нём театр Высоты,
Ты пазлы стыда разбирал разговором,
С ним «эго» оплакать столь шансы просты!
Кумир – за-секунду! Под ангельской тенью
Средь фраз твоих я замечала себя,
И встречи с тобой рисовала мгновенье —
Ты в-жанр отвернёшься, презреньем сребря!
И что ж? Столь остра гладь взаимной ошибки!
На вечность вдруг твой промахнулся «привет»!
Ничтожеству в ноги мнишь пасть; в пасти Пытки!
Ах, вмест комплиментов подал б пистолет!»

«Ужель, ах, я сам был гроссмейстером боли,
Вновь шрамы ломал?! Анонимный подлец!
То – праздности музыки, моей нет в том воли!
Сердцами играл, мнил – играл для сердец!
Прости хоть назло, хоть порывом ироний!
Безрукого мне подбери палача!
В лицо божества капал краской пародий
Безумец среди рая, могилы крича!
Вели мне отречься от каждого слова,
Век рабства не смыл бы картины вины —
Подол твой целуя, начну вечность снова!
Молю, надругайся! Впредь дни не видны!»
«Ты слово за словом ведёшь меня к бездне...
Я – зритель, но худший: ты – гимн чистоты!
Пощады! Иль свет вдруг в душе моей треснет!
Украл мою роль: с нас велеть должен ты!»

И снова туманы на крае минуты.
Он кичился тенью столь мудрой тщеты,
В её взгляд бездонный искал парашюты;
Дрожала вслед волнам, рвалась на-мечты!
Так громко дышала, как тронута смертью;
Старт фраз перережет кинжалом стыда!
Он – в драме тонул, мир – молчаний был верфью,
Предательски раем искрилась вода!

«Нет, больше не в силах скрывать правды подчерк!
Поэзия – ты! Быть с тобою – романс!
Ах, властность среди грации рук многоточий,
С них капает нежность! Похожа на шанс!
О, сжался, хоть раз дай скроить тебе крылья:
Отсутствие их – кульминация лжи!
Лишь ради тебя этот мир бы простил я,
Меня наконец наяву расскажи!
В миллиардах излучин портрет героини,
И в каждой детали – столь громкий рассвет!
Характера вдаль арабески ходили!

Да, кроме тебя, в мире женщины нет!»

«Одна тщится быть ей, смотри – пара слева,
Румянцева Юля, подруга... вчера.
Теперь – для меня ножевым став припевом,
Прохожих лобзает моралью... с одра.
К словам твоим шепчет могилу контрастом...
Их смех о тебе, оба зрят мертвеца;
Пока ты парил серенадой напрасной,
В экстазе злорадства дошли до-конца.
Намёк сосчитай и беги с притч абзаца...
Всё выше боюсь уничтожить тебя:
Иллюзией пьян и так рад не спастись,
Скандалом манжеты уже окропя!»

«В-смех шторм клеветы осушаю сквозь пальцы...»
«Но истина – масть ядовитого льда!
Ты нам не простишь, что мог так ошибаться...
Я шуткой смертельной запомню тогда!»
«С собой ты строга, как мудрец, но ошибкой:
К прощенью цветут миллиарды причин,
А если их нет, то скажу фразой липкой:
Всяк шаг божества – эталон вне витрин!
Ах, выдохни ж фальшь от кулис сей легенды,
Я душу твою вновь укутаю в рай!
Коль шла не в блаженстве, мы все здесь бесследны,
А я – вовсе мёртв; в-жанр воскреснуть мне дай!
«Нет, ввек решено, длань утопит и блики!
От искренней лести любимых икон
Наотмашь сбегу! Лик в грехов мозаике!
Смертелен для всех океана поклон!
Себя ты предаешь политичностью неба,
Разучишься танцу невинности в-сны;
Не стань самовольно-послушным! Не требуй
Моих откровений: цинично-просты!»
«Не слушал, прости: твоих глаз децибелы
Взорвали меня вдохновеньем в-узор;
Паролем зашил фатализм чёрно-белый,
Цвета я впервые познал в-приговор!»
«Жаль; власть Красоты реализм уничтожит,
В строй чопорных шахмат врисует кадрили!
Хочу быть с тобой и сбежать хочу тоже...
Диктантом молчаний возьмём дважды быть!»

Влюблялся. Чувств снег. Амфибрахию боли.
Свет пауз. В глазах симфонический стон.
Её веер бился в-такт сердцу. Сто «что ли».
И шансов лежал револьвер на-потом.

«А кстати, зачем холст фиктивным жуирам
Явленьем столь щедро испачкала ты?»
«То – траур помолвки, развода с всем миром;
Безвременной точкой кончаю мосты!»
«Ты гром прошептала. Внезапность. Осколки.
Секунды теперь – наконечник иглы!
Мне как-то бездарно... лица способ долгий...
А ноты погасли, терпеть не смогли...»
«Ну вот, доказал, что – порыв, что – мечтатель.
В мазках эйфории забыл тень жены!»
«На драме женат я, ища выключатель,
И ложа границы, к слезам, сожжены!»
«Ха-ха, в этой фразе зрю памятник злости...
А вон к нам стекает рельеф жениха!»
«Поэт онемел; мне на гроб шутки бросьте!»
«Серьёзно, то – он. Ждать ли лужу стиха?»

«Им с Зеркалом бы расходиться врагами;
Как тронуть посмел невесомый цветок?!
Хор скульпторов лик сей творил, но ногами.
И дьявол заплачет со мной между строк!
С собой – лицемер, а других видит редко...
В тебя снисхожденья прольёт преферанс,
Ты выскажешь душу, он скажет: «кокетка»,
Он разума перлы стряхнул б с тебя в-шанс!
Ты – музыка, он – в жизнь не понял б и шума.
Чтишь тюль кружевных лабиринтов страстей? —
Ножом через них он спасался угрюмо!
Он – ввек заготовка к мольберту людей!
Венчайся с бездомным, с убийцей иль с мёртвым:
Им мало осталось – осталась душа!
Шрифт рук филигранных не делай же стёртым,
Слепцу не достанься! Я рушусь дрожа!..»

«Ты меток некстати, болят переулки;
Будь критиком он, мы – безумцы тоски.
Но нужно прощаться. Рисунок был чуткий.
На крае могилы знакомства – в-мазки!
Прощаю, хоть не в чем... Забудь. И спасибо.
Я – звонкий мираж, меня впредь не зови.
«Ужель ты казнишь все счастливые „либо“?...»
«Резоны таю. Вот и смерть визави!»

Миг. Жадность руки, равнодушно-тщеславной.
В объятиях рамки пропавшей мечты.
Спины её пламя. Маяк тонет плавно.
Стук сердца... Ушибы – помпезны, прочны.
Вздых. Мрачные сгустки бездарности. Люди.
Здесь вечности чувство. Колода секунд.

Он лёжа стоял столь стремглав. Топь прелюдий.
Он залпом дышал. Многоочий был фунт.
В-такт волнам рывок. Пластилиновым шагом.
Навеки за ней. Фабул брошен клубок.
Случайный танцор. «Буду паузы лаком.
Безмастный валет здесь не вёл даму строк?
Сошли? Отплываем?!» Свой лик сбросил в море.
Беспамятство. Брег. Ливнем ломаным дрожь.
Десятки статистов. Тщета в их узоре.
Записка парфюмом; на радость похож.
Предательства прятки. Шоссе. Экипажи.
Портреты не тех. Натюрморт остальных.
Сжимал в кулаках шансов красную сажу.
Кричать опоздал. Запер взгляд. Путь затих.

Ком рваного бега к бездонной афише.
Фильм мыслей о цвете финала надежд.
Воскрес восвояси. Драм радуга тише.
Есть привкус эфира в открытии вежд.
Вслух душу читал до форзаца квартиры —
Дверь в бланк суицида закрылась за ним.
По стенам скользили в-злость взгляда мортиры...
Спаستись кабинетом. Надеть псевдоним.
Вокруг – фолианты любимых бессилий.
Средь трупов утопий. В этюдах зеркал.
И снов незаконченных бриз тѣк из лилий.
Здесь музе сегодня лицо дописал.

2

Прилежный мертвец. Вспять неделя чистилищ.
Термометр контекста скандировал ноль.
Ниц Бог обрушался. В душе – жанр училищ.
Лик Лизы стирал с панацеи пароль...
Рассвет. Плывёт берег её выступленья.
Ремейк кислорода. Катарсиса мел.
Зла щедрость, коль рушишь надгробье терпенья.
Дождаться «себя» – всех походов предел!
Жену замечать антиподом поэмы.
Средь улиц встречать баррикады из лиц.
Коктейли рутин. Платоничны измены.
Свиданья в страницах. Элегии птиц.
Финальный побег в облаках вдохновений;
В улыбках дотла обвиненья Жены;
Иронии кость ей бы бросить. Презрений
Достойна. Сдержался. Злорадно-нежны.
По мыслям – смычком. Камуфлетами грусти.
Через час подождёт биографии пыль.
Минут ледовитых куски в ярком хрусте.
Роль сбросит сутулость, отпустит костыль!
Он басом взглянул на жену в-панихиду.
Сольфеджио смеха. До двери мазки.
Что был сам собой, он не подал и виду.
Пожертвовал нищим останки тоски.

Театра книксен. Смерть столь вечных прелюдий.
Вкус первого ряда. Эмоций пробел.
Всяк зритель казался лишь частью раздумий.
Агонию пил нетерпенья новелл.
Круги джентльменов. Их пошлые речи.
К вискам их во-страсть примерял пистолет.
Рояль выткал холст. Искры нотной картечи.
Со сцены волной вмиг пролился балет.

Она в середине. Метель её платья.
И властности блик в интонациях рук.
Фальстарт визави с ним. Момента распятые.
Осечка улыбки. Прибой райских мук.
Собой рисовала. Шедевр ностальгии.
Начав, ни один ни кончала вопрос.
Она среди сюжета – этюд невралгии.
Ей музыка – только раскраска. До-слёз.
По прописям чувств. Исповедаться телом.
И нежности всплеск с обнажённой души.
Швы скромности рвутся под шагом несмелым.
Фарфоровый образ листал этажи.

Лишь шёпотом шла. Не касалась и жизни.
Ушибы об воздух; сияют следы.
Признанья в мечте. Грани снов беглой кисти.
И ласки мазки льёт ладонью на льды.
Средь осени поз. Вдоль витражной печали.
Без привкуса риска не делала па.
Немая кокетка. Глаза ввысь звучали.
И гордости шалость пропела стопа.
Шум. Хрупкости крик. Помолилась шагами.
Рифмует движенья с паденьем пера.
Топь медленной страсти. Теней оригами.
Оргазма минор. Романтизмом остра!
Свечой догорала. Изгибы протеста.
Лишь женственность – кодой. Открыла глаза.
Финал невесомости в суффиксах жестов.
Рассвет силуэта. Галактик роса.

Полшага. Букет. Её глаз километры.
Сжал руку тряпично. «Ползти позади
Позволь! Лишь бы быть откровенности жертвой!»
«Чрез миг. В Царский сад. Ах, дышать приходи!»
Поклоны. Сто рук. Улыбалась со всеми.
В нём – жадности подвиг. Дотла ревновал.
Как вдох изо рта похищать они смели...
Опять визави. Он тонул. Дном – овал.

Сады за театром. Припадками ночи.
Глазами терзал безнадёжно скамьи.
В ванильной пустыне. До-звёзд обесточен.
Раскаты обмана? Страницы земли.
Коснулась плеча. Невесомостью рваться.
В помпезности платья венчального. Взгляд
Обрушился скромно. На пальцах драм плаца.
Симптомы себя. Поэтичен был яд.

«Как жил ты с тех пор, доедал эвфемизмы?»
«Не жил я! Лишь лести читал монолог!
И небо в-кошмар вдруг познал историзмом.
Рождая тебя в одах, сломал потолок!
По-циркулю боль. Кругосветные мысли.
Я лишь лицемер, коли рядом не ты!
Ты – мель среди бескрайних морей нигилизма.
О, в завтрашний миг протяни мне мосты!
Коль мыслю, то я существую... но тщетно!
Коль истину мыслю, я истин, пойми!
И ты для того мне нужна беспросветно,
Лишь ложь зрю за нашим с тобой визави!
К тебе – что ни слово, то скупости жертва!
Лишь твой лик сулит рикошетом всех «но»!

Ты – масть квинтэссенции, мишень перманентна;
Мазилой метафор мечтал быть давно!
Весь век, как гласишь, спекулянтот оттенков
Проплыл, чтоб додумать всему высоты...
Экспромт реставратор вонзал в ста наценках...
Будь рядом – разграбь маскарад пустоты!»

«Рацею постиг... Но блуждаешь финалом.
Хоть мысли мои прочитал наизусть,
Христа беспощадно рисуешь кинжалом,
Опавшей улыбкой закрыть лишь бы грусть.
Не эти ль глаза пел жене своей, Софье...»
«И имени ей я б не дал никогда!»
«Из рук стихотворных не лил ли любовь ей?»

«Когда-то... за то влачу повесть стыда!
Был юн и, как юность, продажен идеям;
Так щедро зиял в ней разбег красоты...
Ткли страсть до-обид к разговора постелям...
Шрам милых порывов. Круг брызг чистоты.
О ней говорил – вдохновлённая миром;
В лице отражались узором стихи.
Любила средь дел запятыми игриво
Помять фольгу будня. Вращала грехи.
Слащавый мираж. И теракт послевкусий.
Поэта любого хотела она...
Играла жанр мной вожделенных перкуссий,
Спектаклем с-талантом достала до дна!
Себя дилетантка. Эстетика куклы.
Ей было не важно, чем вздрогнет перо.
Бросать эпиграмм стал ей в лик тучи смуглы —
Бесплотны сарказмы. Мест мести таро.
До-слёз благодарна. Автограф трагедий.
Я – мимо холстов слишком долго крича —
Заплаткой к гордыне был нужен последней:
Достойна быть музой... жаль, лишь палача.
Богем пьедестал – для поэта супруги;
Внимания взрывов хотела, увы!
«Три тома про взгляд мой» чтоб крикнуть подруге;
Со-злостью её впредь целую на-вы!»

«Вот видишь, любовь – вдохновенье, не так ли?»
«О нет же, влюбившись – разлюбишь себя!
Мир – сцена для двух; рук касаний спектакли!
И занавес всуе лишь ждёт сентября!»
«О, будь и вовеки романтиком боли,
Экстрим сантиментов назло нам храни!
Такой же была я; зеркал мнут прибои —
Там прошлых гордынь оглянулись огни!

Не верь мне; злой краской рисованы губы...
Здесь скороговоркой давай помолчим...»
«Позволь обещать, что я шёлк – тебе грубый,
И вечно прощенья просить без-причин!»
«Ты – весь для любви, я – утопленник роли;
Свой нимб не пустой незнакомке дари...»
«Пролей наконец светотени триоли!»

«Я шла по мечтам, напевав фонари...
Снов танцем скиталась меж жанрами рая.
Параграфы неба! Салют вместо глаз!
Я вечной была, в бездне чувств умирая!
Все дни состояли из звёзд в-пересказ...
Стих крыльев. Следы – только кляксами света.
Смотреть – без-остатка. Дышать – до-конца.
Припевом казалась себе для портрета
Такого, как ты. Ах, приливы лица!
Не слышать весь мир! Не узнать «ветра» пепла!
Вовек пандемией экстаза дрожа!
Мечтала того, с кем б дуэтом ослепла!
Симфоньей галактик рыдала душа!
А дальше?.. Лесть славы. Богемы. Бомонды.
Всё чаще к трюмо возвращалась не я...
С-пожалуйста быть разучили в-аккорды,
С собой разлучали без-титров меня!
Цинизм променяла на пошлость случайно...
Как каждым поступком клялась лишь терять.
Был ловким маршрут деградаций. Печально.
То ль спать не могла, то ль проснуться опять...
И бодрствуя, вижу глубины бессонниц,
Хоть в мыслей конвертах всё больше песка.
Дышу, как сквозь стёкла; зрю в звёздах пособниц,
Чтоб падать на пьяные ритмы с-мазка!
Средь сонмищ глупцов ныне прячусь от боли:
Чтоб раны мои не смогли прочитать;
Не встречу ироний в глазах карамболи;
Ломаться без-слёз... Анальгетика гладь.
Круг старых друзей как коллаж эпиграммы.
Кошмар – среди улыбок других балерин.
Я будто философ, что знал истин гаммы,
А жил только ложью, крал совесть с витрин!
И впредь мне не знать стратосферы сознания,
Не сделать к себе вдохновенья прыжка!
Бегу за Пустыней! Там меркнут терзанья!
Я фальшь, и без блефа не сделать шажка!
Воск мнений в-ушибах. Каракули действий.
Я в вечном антракте оргазма; горда!
Разграбила рай свой, наивных ждав следствий.
Предатель внутри. Память жжёт города!»

«Зря плачу, ты – тоже; скажи пару улиц...
Не это ль, прости, – смутный раж миража?
Тебе – двадцать три, ты не шла дальше буквиц,
А красишь мир, как у могилы дрожа!
Ужель с-силой грех был доказан поступком?
Да коль даже был, ренессанса черта
Всегда тлеет рядом; приравнен шаг к шуткам.
Ты лишь монодрамой в свой ад заперта!
Сравни нас! Я сломан ремарками жизни —
Коснувшись тебя, ей назло же воскрес.
Решеньем себя ты сломала капризным —
Что ж шагом своим же не крикнешь вразрез?
Ты мстишь себе жадно, держа крен аллюра,
Должна – отвернуться, простив зеркала.
Такие, как мы, век ролей мнут велюры,
Но роль от себя отличай же дотла!»

«Ах, если бы ты знал... Коль нашла б сил сказать я...
Чем снилось моё выступление, скажи!»
«Из вечности выпал до встречи заклятья...
Ты танцем листала меня падежи!
Я – слов балеро; поэтесса движений!
Мы венчаны музой стократно-одной!
Знаком вдохновения свет натяжений,
Мой стих – в твоём танце, во мне – танец твой!
Навек обознался: своей твою душу
Имел в междометьях обмана зеркал...
Со всех чувств расплачусь! Держи меня глубже!
Я пьян... твоим эго'м наполнен бокал!
Ты снов лепестки в грудь вонзала мне с-сердцем!
Лишь взгляд на тебя – запасной поцелуй!
И жизни цепями мне впредь не одеться...
Заглавья закрась гравировкой из пуль!
До-драмы нежна. Кстати смотришь арестом!
Не шла – проливалась. Восторга сорта!
В-прости раздаёшь вокруг эпитеты жестом!
Вслух музыки драма в тебе заперта!
С тобой рядом – будто в таланта картине.
Там жизнью гореть безысходно-всерьёз!
Агоний желанных туманы прости мне...
Ты страстью написана! Россыпи поз!
Инерция розы! Подсказки – ни шрама!
Ты – скульптор, что правит резцом лишь себя;
Скульптур моментальных болят орфограмма;
Шедевров ты тень, разрушеньем рябя!
Обнимешь в-лицо листопадом намёков...
В-укор никогда не сошла с потолка!
Из «времени» ты! Чувство «будто» подтёков!

Рефлексом метафор жжёшь тайны шелка!»

«Спасибо, хоть ты, как пристало мужчинам,
Смотрел не балет – посмотрел балерин!
Румянцевой, кстати, не встретил ль па сплина?
Хотела воздать мне фиаско смотрин...
Ты громко взирал, как прощаюсь со сценой...»
«За что! Средь нолей! Новых драм конфитюр!»
«Поступком сострить она тщилаь, но – пеной;
И сплетне бессмертье не дал каламбур!»
«Она покачнулась к тебе красным шагом... —
Ужель с авансцены вписать твой полёт?!»
«Но взгляд её предал, заранее став флагом,
Я в-смех увернулась, смыв шансов налёт...
А, впрочем, забудь то, не будем – о куклах;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.